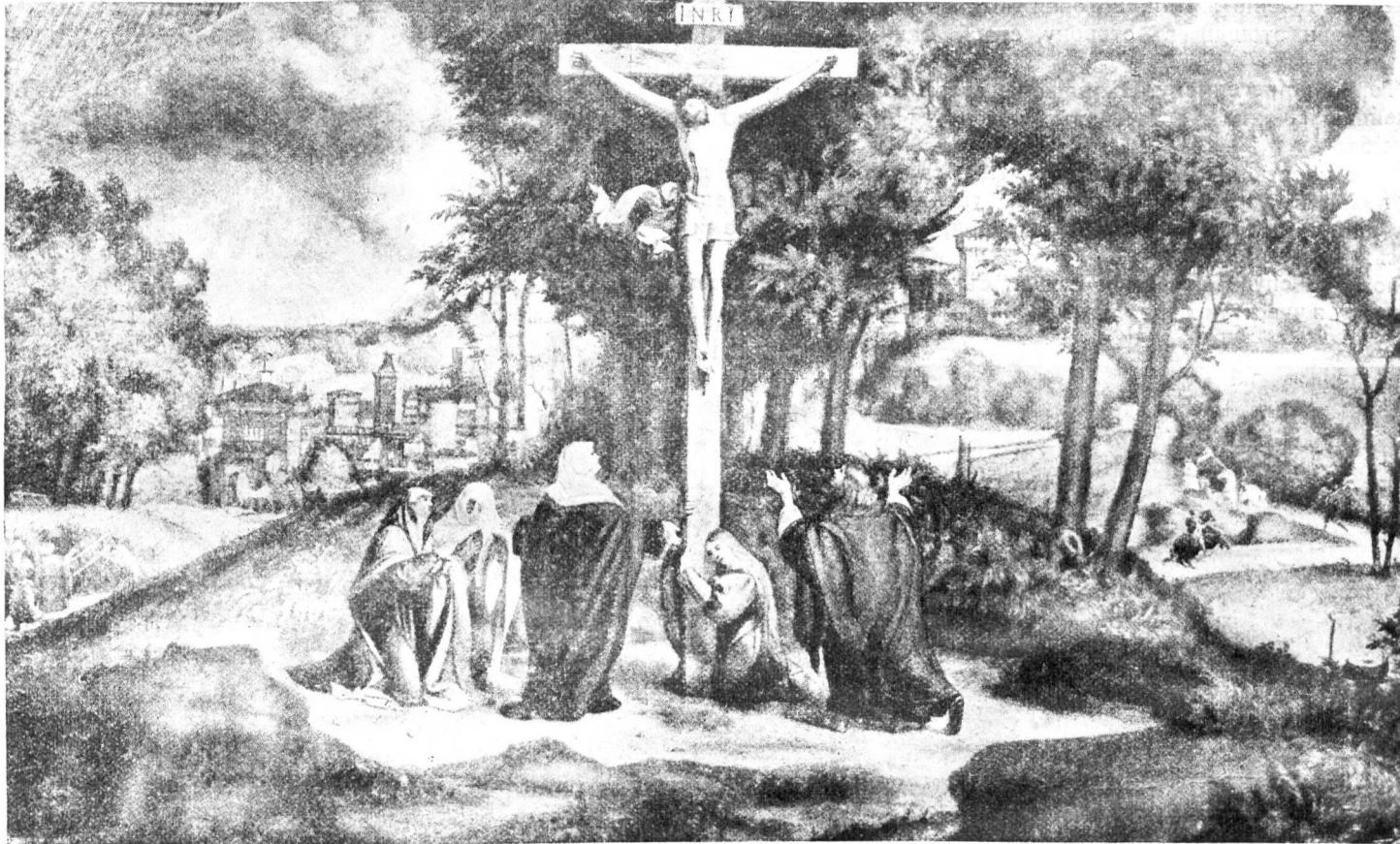

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 3-го Апрѣля 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11979.

Голгоѳа.

Андреа Превитали.

ЛАЗУРЕВЫЯ ДАЛИ.

(Акварель).

Знакомы ли вамъ чудесныя дали воспоминаній?

Эти дороги, по которымъ однажды уходишь, чтобы забыть все настоящее, снять всѣ маски, которыя сработала жизнь,—этотъ злочихикающій скульпторъ.

Уходишь въ такую даль,—и вотъ, гдѣ то тамъ, почти у истоковъ бытія, находишь давнее, находишь самого себя, но совсѣмъ иного, особаго, тихаго; обнимашь себя—и чужого, прекраснаго—цѣлуешь похолодѣвшія губы, смотришь на свое дѣтское лицо, дѣтскія дѣла,—отошедшее чудо, и вдругъ становится такъ невыносимо больно, такая безысходная тоска, точно подошелъ къ самой любимой и драгоцѣнной могилѣ.

И всетаки тамъ, въ этихъ даляхъ воспоминаній, у истоковъ жизни,—царитъ необычайное очарованіе.

Нѣжное перламутровое солнце проливаетъ на все ровные недвижимые лучи. Недвижимы дома, недвижимы цветы и лица этого далекаго дѣтства.

Полная тишина, въ которой медленно плывутъ легкіе призраки, ласковыя тѣни.

Полная тишина,—и только временами, надъ гранями перламутроваго свѣта дрожатъ серебряные

Pietà.

Ортолано.

переливы тихихъ, невидимыхъ, задумчивыхъ колоколовъ.

Кажется, съ той минуты, какъ ты ушелъ изъ этой чудесной страны, она погрузилась въ вѣчный сонъ, и этотъ сонъ—горячая, бессловесная молитва за всю свою будущую жизнь.

Тамъ, въ даляхъ дѣтства, молятся за тебя маленькая комнатка съ маминой иконой въ углу, полочка книгъ, гдѣ Робинсон Крузо и Донъ-Кихотъ, и всеобщая географія; молится на этажеркѣ тобою посторонній корабликъ съ распущенными парусами, учебники, кроватка въ углу, молятся улички, по которымъ ходиль въ гимназію, твоя классная парты, садикъ, гдѣ гуляль и впервые любилъ, берегъ моря, гдѣ купался и собираль ракушки, сверкающія, какъ драгоцѣнныя камни.

Все сонъ, все молитва и все такъ ужасно, такъ трагично далеко.

Надъ гранями перламутроваго свѣта плачутъ тихіе, невидимые, задумчивые колокола.

Нѣкоторые лики особенно памятны.

Если бы я былъ художникомъ, то нарисовалъ бы въ рядѣ нѣжныхъ картинъ эти дали. Сдѣлалъ бы для нихъ драгоцѣнныя рамы, хранилъ въ одинокой комнатѣ и иногда входилъ бы въ эту комнату ради тоскующей молитвы и тоскующихъ воспоминаній.

Плащаница.

XVII вѣка.

все хозяйничаетъ. Много работы. Мы выходимъ. Вотъ гимназической бульваръ съ тихими деревьями, ко- торыя не сегодня завтра такъ нѣжно зазеленѣютъ.

Небо звѣздное, и смотришь на эти звѣзды—онъ похожи на тихія свѣчи у синяго иконостаса.

Легкій, вѣтерокъ, нѣжащий, про- хладный. Но онъ уже ароматенъ. точно родился въ какихъ то пре- красныхъ садахъ, пахнетъ свѣжею дымящею землей.

Почти безъ словъ идемъ по тихимъ уличкамъ.

Вотъ, цѣлый день я ни разу даже не подумалъ о Натѣ, но сейчасъ мнѣ ясно, что всетаки цѣлый день она была со мной.

Я не понимаю—люблю ее или нѣтъ. Я этого не знаю, но мнѣ удиви- тельно легко и радостно, хочется запѣть отъ радости, хочется, чтобы Ната заглянула въ мое сердце и моему сердцу улыбнулась вотъ-такъ тихо и ясно. Мы такъ недавно встрѣ- чаемся съ нею, но отчего же мнѣ такъ хорошо, когда сна рядомъ.

Посмотрѣль на нее—какой это странный особенный вечеръ!—все иное. Ната—будто фея изъ сказки идетъ со мной! Тоненькая, тихонь- кая,—похожа на свѣчечку,—горить въ молчаніи одинокой улички, го- ритъ рядомъ со мной. А небо, а звѣзды, а этотъ ароматный ласкающій воздухъ,—мнѣ кажется, что я еще не вышелъ изъ нашей церковки, еще слы- шу медленно-печальное, сладостно-вол- нующее пѣніе хора.

— Ната, неопределенно прошепталъ я. И словно все сказали, и никакихъ словъ больше нѣтъ. Но, Господи, какъ радост- но, какъ небычайно.

— Я сегодня много занималась, поче- му то сказала она.—Потомъ мамѣ помо- гала. Ночью мнѣ снилось, что я опять даю пробный урокъ.

— Знаете, Ната, вы только улыбае- тесь, а смеяться не умѣете.

„Не рыдай Мене, Мати“.

Икона XVII в.

— Нѣтъ, иногда смѣюсь. Очень гром- ко смѣюсь...

— Я еще не слышалъ. Я, Ната, се- годня выпиливалъ рамочку.

Повернулась ко мнѣ. Слушаетъ, какъ ей рассказываю о своихъ дѣлахъ.

У нея очень бѣленъкое лицо, чер- ные замѣчательные глазки,—я много видѣлъ гимназистокъ, но она лучше всѣхъ, она и умнѣе всѣхъ и интерес- нѣе всѣхъ,—а ротикъ у нея очень крас- ненький.

Я смотрю и думаю:

„Вотъ есть желто-ротенькие цыплята,

а Ната, значитъ, ало-ротенькая или розо-ротенькая“.

Мнѣ такъ понравилась эта мысль, что я сказалъ о ней Натѣ.

Она улыбнулась и протянула:

— Роза—розо-ротенькая. Мнѣ нравится. А все таки похожа на цыпленка.

Какой то сладкій порывъ заста- вилъ меня вздрогнуть.

Я тихонько взялъ похолодѣвшіе пальчики Наты, ласкалъ ихъ сво- ими пальцами, и такъ молча, дер- жась за руки, мы шли до самаго дома.

Здѣсь простились у большого стекляннаго параднаго.

Было тихо и странно. Мы стояли съ минуту другъ около друга. Я смотрѣль и смотрѣль на Нату, и мнѣ казалось, что поцѣловалъ ее.

Ушла. Но меня не оставляла ра- дость. Теперь не слышитъ, и я прошепталъ: „милая моя, дорогая Ната“.

Птихоньку отправился домой, слушая, какъ гдѣ то далеко лаяли собаки.

Все было однимъ мигомъ...

Кто скажетъ, гдѣ Ната; кто ска- жетъ, гдѣ этотъ единственный, не-обычный чудесный вечеръ?

Я не знаю другого, такого прекрас- наго, и никогда болѣе рядомъ со мной не горѣла, какъ свѣчечка, тоненькая, тихонькая дѣвушка.

Знакомы ли вамъ эти дали воспоми- наній, куда уходишь съ такою печалью и, странно, съ такою волнующей ра- достью?

Полная тишина, въ которой медленно плынутъ легкіе призраки и ласковыя тѣни.

А надъ гранями перламутрово розово- го свѣта плачутъ тихіе, невидимые, за- думчивые колокола...

Фениксъ.

